

руживается, сколь «были дики и застращены именем барина» крестьянские дети. Из их поведения, из их судорожных реплик читатель должен был получить яркое представление о Григории Терентьевиче, упоминаемом крестьянами во второй части «Отрывка». Одно только появление «красного кафтана» (то есть барина) вызывало ужас, ибо за этим следовало, как можно без труда понять рассказчика, повальное избиение и грабеж крестьян. Именно такой вывод напрашивается сам собой из фразы, вложенной в уста одного из крестьянских мальчиков: «... ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас!». Искусственности такого приема разоблачения нельзя не заметить. Понадобился же автору этот эпизод, понятно, для того, чтобы выразить очередную осуждающую сентенцию: «Вот плоды жестокости и страха, о вы худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей». В этих словах видно, однако, не только осуждение, а и горькое сожаление автора по поводу того, что господа «дожили» до такого «несчастья».

Собственно, весь рассказ построен в намерении сделать по ходу повествования ряд укоризненных или угрожающих выпадов против помещиков. Настойчиво акцентируя внимание на фактах, долженствующих доказать виновность помещиков, рассказчик не заботится о логическом перерастании, естественной сменяемости ситуаций. Переходы здесь явно искусственны, хотя каждая в отдельности деталь, картина, ситуация внешне правдоподобны, открывая читателю в авторе знатока крестьянской жизни. Но автор не просто бытописал, не бесстрастно «фотографировал», а «сочинял» и для вящей убедительности присочинял, домысливал ситуации. Того, что само собой сказалось бы читателю из сообщения о виденном (первые же строки рассказа говорили именно о таком намерении автора — просто описать виденное), автору представляется недостаточным. Ему важно сказать нечто сверх того, что могло дать действительное реально совершенное путешествие. Это «нечто» и выразилось в том, что рассказчик располагает целую серию микроситуаций без необходимой внутренней мотивировки. Иначе говоря, это произведение могло быть, и скорее всего было, написано без совершения путешествия в деревню Разоренную. Полагаем, именно потому автор и озабочен стремлением доказать истинность рассказа. «Истина», которая «руководствовала» пером автора, словно бы не говорила сама за себя. Отсюда понуждающая читателя к вере в истинность описываемого, патетическая декларация принципа повествования. Ясно, что если бы рассказ писался по непосредственным впечатлениям от реально совершенного путешествия в деревню Разоренную, то автору важнее было бы доказать то, что он действительно совершил его, а не то, что он повествует о нем истинно. Ясно и другое: «Отрывок» создавался на основе фактов, имевших место в действительности и наблюдавшихся ав-